

БИБЛИОГРАФІЯ.

І. Новое изслѣдованіе о Юмѣ.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма. Часть 1-я. Теоретическая философія Д. Юма. Москва. Университетская типографія, Страстной бульваръ. 1905. Стр. 260.

Разсматриваемое изслѣдованіе проф. Н. Д. Виноградова обнимаетъ пока только теоретическую философію Юма. Вышедшая въ свѣтъ 1-я часть труда состоитъ изъ вступленія (стр. 1—5) и трехъ отдѣловъ: 1-ый посвященъ изложенію и характеристикѣ основныхъ принциповъ теоретической философіи Юма (стр. 24—128), 2-й—судьбѣ главнѣйшихъ философскихъ концепцій Юма (стр. 129—218) и третій содержитъ краткія критическія замѣчанія по поводу его главнѣйшихъ психологическихъ и философскихъ воззрѣній (стр. 219—260). Первая глава 1-го отдѣла даетъ краткія біографическія свѣдѣнія о Д. Юмѣ (стр. 6—23).

Давидъ Юмъ, по словамъ автора, никогда не былъ любимцемъ историковъ новой философіи, и значеніе главнѣйшихъ воззрѣній этого мыслителя до сихъ поръ не можетъ считаться достаточно выясненнымъ. Правда, всѣ изслѣдователи новой философіи подчеркиваютъ роль теоретическаго ученія Юма въ созданіи кантовскаго критицизма, разумѣя при этомъ скептицизмъ британскаго мыслителя, который, по извѣстнымъ словамъ самого основателя критической философіи, пробудилъ нѣмецкаго философа отъ догматическаго сна. Но въ то же время затушевываются другія стороны въ

философiи Юма, его моральное ученiе и его воззрѣнiя въ области философiи религiи, хотя они также сыграли не малую роль въ исторiи развитiя этико-религiозной мысли. Затѣмъ, что касается самаго скептицизма Юма, то нельзя сказать, чтобы онъ, въ изображенiи большинства историковъ философiи, выступалъ съ полной ясностью и опредѣленностью. Сомнѣнiе Юма по большей части представляется то какъ абсолютный скептицизмъ или пирронизмъ, то какъ естественный результатъ послѣдовательно проведеннаго эмпиризма. Въ болѣе позднѣйшее время подчеркиваются положительные и даже догматическiе элементы въ философiи Юма, но и это дѣлается не всегда достаточно отчетливо. Такъ, у нѣкоторыхъ изслѣдователей, выдвигающихъ на первый планъ положительныя конструкцiи Юма, скептицизмъ послѣдняго почти совсѣмъ заслоняется его догматизмомъ. Въ виду всего этого важно выяснитъ самую природу юмовскаго скептицизма и показать отношенiе этого сомнѣнiя къ другимъ видамъ скептической философiи. Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ объ отношенiи Юма къ предшественной философiи. Хотя едва ли кто будетъ отрицать, что Юмъ является важнѣйшимъ представителемъ англiйскаго эмпиризма, однако теперь ужъ рискованно утверждать, что Юмъ, а тѣмъ болѣе его предшественникъ — Локкъ были только эмпириками: раціоналистическiе элементы, унаслѣдованные отъ картезианской философiи, несомнѣнно, присущи и этимъ мыслителямъ, и вскрыть эти элементы является благодарной, хотя, быть можетъ, и не всегда легкой задачей историка новой философiи. Такимъ образомъ, возникаетъ интересный вопросъ о генезисѣ философiи Юма, рѣшенiе котораго гораздо труднѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза, тѣмъ болѣе что самъ Юмъ называетъ далеко не всѣхъ своихъ философскихъ предшественниковъ. Еще болѣе сложнымъ является вопросъ о философскомъ влiянiи Юма, о судьбахъ его главнѣйшихъ ученiй, которыя, какъ извѣстно, слишкомъ пережили своего творца. Отношенiе къ этимъ доктринамъ, какъ мы хорошо знаемъ, было очень различно, и во всякомъ случаѣ, при жизни философа и во время, ближайшее послѣ его смерти, произведенiя его имѣли гораздо меньшiй успѣхъ, чѣмъ какой выпалъ на ихъ долю въ нѣсколько позднѣйшее время или даже въ наши дни. Из-

вѣстно, какъ сурово отнеслись къ основнымъ принципамъ юмовской философіи его соотечественники, представители такъ называемой философіи здраваго смысла. Столь же мало сочувственный пріемъ нашель Юмъ и у французскихъ спиритуалистовъ и эклектиковъ, которые по своему духу довольно близки къ упомянутымъ шотландскимъ философамъ. Основатель нѣмецкой критической философіи высоко цѣнилъ тонкій умъ британскаго мыслителя и открыто засвидѣтельствовалъ о его благотворномъ вліяніи на свое личное философское развитіе; но все-таки и у Канта отношеніе къ основнымъ принципамъ юмовской философіи скорѣе было отрицательное, и въ скептическихъ выводахъ Юма нѣмецкій мыслитель видѣлъ едва ли что-либо большее, чѣмъ своеобразный умственный квіетизмъ. Но черезъ нѣкоторое, и не особенно продолжительное, время отношеніе къ англійскому философу измѣняется какъ на родинѣ, такъ и въ названныхъ государствахъ континента. Уже Милль—отецъ высоко цѣнить психологическій анализъ Юма, а всѣ важнѣйшіе взгляды Милля—сына выработались подъ несомнѣннымъ вліяніемъ философіи шотландскаго мыслителя. Основатель французскаго позитивизма самъ подчеркиваетъ вліяніе британскаго мыслителя на созданіе положительной философіи, а нѣсколько позже мы встрѣчаемъ высокую оцѣнку существенныхъ принциповъ философіи Юма и на родинѣ Канта. Историко-философское значеніе Юма выдвигается на видное мѣсто такими, прошедшими школу критической философіи мыслителями, какъ Э. Лаасъ и Ф. Паульсенъ. Эксплоатируются его основныя взгляды и представителями такъ называемой имманентной философіи. Но особенно высоко цѣнится Юмъ сторонниками психологизма, которые разрѣшеніе гносеологической проблемы ставятъ въ зависимость отъ тщательно разработанной психологіи интеллектуальной дѣятельности и видятъ въ Юмѣ истиннаго родоначальника названнаго направленія (1—3).

Отсюда дѣлается понятной вся важность и цѣнность изслѣдованія Юмовой философіи, а также естественно опредѣляются и задачи такого изслѣдованія.

„Для всякаго современнаго изслѣдователя философіи Юма, говорятъ г. Виноградовъ, на первый планъ выступаетъ задача дать по возможности вѣрное истолкованіе принциповъ этого мы-

слителя путемъ сравнительно обстоятельнаго изложенія его философскихъ ученій. Такимъ только образомъ можетъ быть выяснена природа юмовскаго скептицизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ только при такомъ изложеніи можетъ вполне ясно опредѣлиться отношеніе Юма къ выдающимся представителямъ предшествующей философіи. Далѣе является необходимымъ прослѣдить судьбу юмовскихъ принциповъ на довольно длинномъ протяженіи — начиная отъ появленія главнѣйшихъ философскихъ произведеній Юма и оканчивая нѣкоторыми новѣйшими теченіями философской мысли, поставляющими себя въ связь съ традиціями именно юмовской философіи. Наконецъ, остается вопросъ о значеніи основныхъ концепцій Юма для современной философіи и психологіи, отвѣтъ на который предполагаетъ критическую оцѣнку главнѣйшихъ принциповъ Юма въ сопоставленіи съ послѣдними результатами въ области гносеологіи и психологіи познанія“ (стр. 4).

Работа г. Виноградова и посвящена рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ.

Такъ какъ разсматриваемое изслѣдованіе носитъ характеръ монографіи, то авторъ находитъ вполне умѣстнымъ въ особой главѣ дать біографическія свѣдѣнія о Юмѣ, „тѣмъ болѣе, что знакомство съ основными фактами изъ жизни британскаго мыслителя проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на генезисъ его философіи“ (стр. 5). Главными пособіями для этой главы автору служили: „Автобіографія“ самого философа, письмо Адама Смита къ лорду Страгану и „капитальный трудъ Burton'a: „Life and correspondence of D. Hume“, Edinburgh, 1846, 2 vols. Въ концѣ ея авторъ даетъ такую общую характеристику Юма:

„Это не былъ созерцательный философъ, исключительно погрузившійся въ отвлеченныя размышленія и вполне отрѣшившійся отъ интересовъ обыденной жизни. Наоборотъ, это былъ очень разносторонній умъ, глубоко интересовавшійся самыми разнообразными проявленіями человѣческой жизни и оставившій очень замѣтныя слѣды въ довольно различныхъ областяхъ знанія. Духовный образъ Юма очень далекъ отъ тѣхъ представлений, которыя соединяются съ именами нѣкоторыхъ философовъ какъ древняго, такъ и новаго міра (напр., Спинозы). Своею личною жизнью онъ, несомнѣнно, скорѣе всего воскрешаетъ типъ эпикурейскаго мыслителя, хотя и это сопоставленіе не можетъ быть проведено во всѣхъ подробностяхъ. Ставилъ ли Юмъ счастье исключительной цѣлью своей жизни, мы не можемъ сказать, но что онъ очень высоко цѣнилъ удовольствія, этого никто не будетъ отрицать. Его настойчивыя стремленія обезпечить себѣ матеріальное благосостояніе, проходящія почти черезъ всю его жизненную карьеру, наглядно вскрываютъ передъ нами эти эле-

менты эпикуреизма, правда, относительно умѣренного. Равнымъ образомъ, сближаетъ Юма съ эпикурейцами и его, повидимому, отрицательное отношеніе къ общественной дѣятельности, поскольку въ послѣдней выражается активное служеніе общему благу. Правда, Юмъ занималъ много разнообразныхъ постовъ, но вся его служебная дѣятельность, повидимому, вытекала скорѣе изъ мотивовъ эгоистическаго характера и была направлена, главнымъ образомъ, на достиженіе той же виѣшней независимости. Но какъ истинный эпикуреецъ, Юмъ умѣлъ производить и расцѣнку удовольствіямъ и никогда не становился рабомъ ихъ. На этой почвѣ выработалась та уравновѣшенность его характера, которая приближаетъ его скорѣе къ типу стоическаго мудреца. Самыя жестокия литературныя неудачи не могли искоренить въ немъ вѣры въ свои духовныя силы и надломить его энергія. Эта жизнерадостность опять напоминаетъ оптимизмъ стоическихъ философовъ, столь чуждый, по своей сущности, защитникамъ доктрины наслажденія. Но какъ бы то ни было, Юмъ является типичнымъ представителемъ англійской націи. Личная, практическая жизнь въ Англіи чаще, чѣмъ гдѣ либо, принимаетъ характеръ довольно далекаго отъ тѣхъ теоретическихъ интересовъ, которые, повидимому, являются преобладающими у извѣстнаго лица. Конечно, про такихъ лицъ не всегда можно сказать, что ихъ девизъ—*primum vivere, deinde philosophari*; тѣмъ менѣе это можно утверждать относительно Юма, который создалъ свою систему, можно сказать, на порогѣ жизни (въ сравнительно молодые годы); и однако онъ, повидимому, не видѣлъ смысла своего существованія только въ философско-литературной дѣятельности, оставаясь, такимъ образомъ, вѣрнымъ завѣту, данному имъ изслѣдователю такъ называемой „отвлеченной и глубокой философіи“: „будь философомъ, но и погрузившись въ философію, оставайся человекомъ“ (стр. 22—23).

II глава перваго отдѣла (стр. 24 — 34) даетъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній по поводу философскихъ сочиненій Юма,—именно касается вопроса объ отношеніи между главными сочиненіями Юма въ области теоретической философіи и сообщаетъ свѣдѣнія объ изданіяхъ и главнѣйшихъ переводахъ его философскихъ сочиненій.

Въ III главѣ „Генезисъ теоретической философіи Д. Юма“ (стр. 34—57) авторъ хочетъ выяснитъ историческое доложеніе изучаемаго философа, отношеніе его къ предшественникамъ. Въ рѣшеніи этого вопроса, по его словамъ, можно идти двоякимъ путемъ: или, на основаніи біографическихъ и автобіографическихъ данныхъ, указать тѣ философскія вліянія, черезъ которыя прошелъ Юмъ, или же только логически сопоставить важнѣйшіе моменты предшествующей фи-

философской мысли съ основными принципами юмовской философии и на основаніи этого сопоставленія показать, чѣмъ Юмъ обязанъ болѣе раннимъ представителямъ философскаго знанія, и въ чемъ именно заключается оригинальность философскихъ концепцій этого мыслителя (стр. 34). На первомъ пути авторъ не надѣется достигнуть очень существенныхъ и цѣнныхъ результатовъ ¹⁾, почему и сосредоточиваетъ свое

¹⁾ „Что касается перваго способа, говорить онъ, то въ нашихъ рукахъ слишкомъ мало фактическаго матеріала, чтобы мы могли при помощи его построить какія-либо прочныя заключенія. Самъ Юмъ какъ въ своей Автобіографіи, такъ и въ своихъ письмахъ почти ничего не говоритъ о томъ, какихъ именно философовъ и въ какую пору жизни онъ изучалъ. Не всегда поможетъ намъ при этомъ и внимательное чтеніе его сочиненій. Такъ, мы затрудняемся сказать, былъ ли Юмъ близко знакомъ съ классиками античной философіи—Платономъ и Аристотелемъ. Правда, мы встрѣчаемъ у него нѣсколько цитатъ изъ сочиненій этихъ философовъ (особенно Платона), но это еще не уполномочиваетъ насъ сдѣлать заключеніе, что Юмъ внимательно штудировалъ всѣ главнѣйшія творенія этихъ мыслителей. Скорѣе можно предположить, что онъ познакомился съ ними, главнымъ образомъ, при помощи римскихъ эклектиковъ, которыхъ онъ, несомнѣнно, зналъ хорошо. Эти послѣдніе интересовали Юма преимущественно со стороны своихъ моральныхъ ученій, и мы видимъ, что Юмъ часто цитуетъ ихъ сочиненія въ своихъ „Essays“, посвященныхъ трактованію этической проблемы (особенно часто мы встрѣчаемъ у него ссылки на Цицерона, Сенеку, Плутарха). Изъ другихъ представителей античной философской мысли здѣсь нужно указать на скептиковъ, съ которыми Юмъ, несомнѣнно, былъ знакомъ. Такъ у него мы встрѣчаемъ точныя ссылки на сочиненія главнѣйшаго представителя позднѣйшаго скептицизма—Секста Эмпирика.“

„Что касается теперь новой философіи, то опять намъ мало здѣсь помогаютъ „Автобіографія“ и переписка. Но самыя сочиненія Юма показываютъ, что онъ былъ знакомъ съ твореніями основателя новой философіи—Декарта, зналъ воззрѣнія Спинозы (хотя, повидимому, только по словарю Бэйля), читалъ Мальбранша. Изучалъ Юмъ несомнѣнно и противниковъ картезіанской философіи—самыхъ разнообразныхъ направленій—и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр., Нует) были хорошо извѣстны ему. Знакомъ былъ Юмъ (хотя, быть можетъ, только въ общихъ чертахъ) и съ философскими воззрѣніями Лейбница. Такимъ образомъ, Юмъ прошелъ и черезъ раціоналистическую философію, и вельзя сказать, чтобы своимъ философскимъ развитіемъ онъ былъ обязанъ исключительно эмпиризму. Но, разумѣется, главнѣйшіе мыслители, о знакомствѣ съ которыми свидѣлствуютъ всѣ важнѣйшія сочиненія Юма, это его отечественные философы—Локкъ и Беркли. Внимательное изученіе Юмомъ этихъ мыслителей сказывается въ обоихъ столь важныхъ для нашей цѣли сочиненіяхъ Юма — „Treatise“ и „Enquiry“. Конечно, наряду съ

главное вниманіе на второмъ. Съ этой цѣлью онъ даетъ краткую характеристику ближайшихъ философскихъ предшественниковъ Юма—Бэкона, Локка и Беркли и, въ связи съ этимъ, выясняетъ задачу теоретической философіи Юма и принятые имъ методы для ея рѣшенія (стр. 36—57).

„Во главу своей философіи, по его словамъ, Юмъ ставитъ науку о природѣ челоѣка, одну изъ главныхъ частей которой составляетъ гносеологія, какъ ученіе о природѣ и границахъ нашего познанія. Отъ успѣшной разработки, главнымъ образомъ, этой послѣдней науки зависитъ достиженіе прочныхъ результатовъ въ другихъ областяхъ вѣдѣнія. Такимъ образомъ, только послѣ установленія опредѣленныхъ гносеологическихъ данныхъ можно перейти къ рѣшенію важнѣйшихъ проблемъ общей философіи—какъ теоретической, такъ и практической“ (стр. 54). Орудіемъ въ этомъ процессѣ анализа нашего духа является нашъ умъ, въ его строгой и трезвой логической дѣятельности, чуждой увлеченій въ сторону чувства. „Точное и вѣрное сужденіе, говоритъ самъ Юмъ, есть единственное всеобщее средство, годное для всѣхъ людей и для всѣхъ природныхъ расположеній; оно одно способно ниспровергнуть туманную философію и тотъ метафизическій жаргонъ, который, въ союзѣ съ общераспространенными суетвѣріями, дѣлаетъ ее въ нѣкоторой степени непроницаемой для небрежныхъ мыслителей и придаетъ ей видъ науки и мудрости“

„Что касается метода, которымъ долженъ руководиться нашъ умъ въ этомъ процессѣ изслѣдованія, то таковымъ является наблюденіе и опытъ въ широкомъ смыслѣ, и всѣ наши попытки какимъ-либо другимъ способомъ проникнуть въ природу изслѣдуемыхъ вещей окажутся безплодными. „Для меня очевидно, замѣчаетъ Юмъ въ своемъ „Treatise“, что сущность духа намъ также неизвѣстна, какъ и сущность тѣла, и потому намъ невозможно составить понятія о силахъ и способностяхъ нашей души иначе, чѣмъ при помощи тщательныхъ и точныхъ экспериментовъ и наблюденій надъ тѣми частными слѣдствіями, которыя получаютъ въ результатъ различныхъ положеній и обстоятельствъ.

этими двумя крупнѣйшими именами англійской философіи мы можемъ открыть влияніе на Юма и другихъ англійскихъ философовъ. Тутъ и Гоббсъ съ его номинализмомъ и съ его очень высокой оцѣнкой математическаго знанія, тутъ и Колле съ его отрицаніемъ вѣшняго міра, тутъ, быть можетъ, и Глэнвилъ, ученіе котораго о причинности такъ напоминаетъ соображенія Юма по этому же предмету, хотя послѣдній исходитъ изъ другихъ принциповъ, и мы не имѣемъ оснований утверждать, что Юмъ сдѣлалъ какія либо заимствованія у Глэнвиля“ (стр. 34—36). Но всѣ эти наблюденія не показываютъ намъ самаго главнаго—логической связи основныхъ Юмовскихъ принциповъ съ данными предшествующей философіи. Эту то связь авторъ и считаетъ необходимымъ сдѣлать предметомъ особаго разсмотрѣнія.

И когда мы стараемся сдѣлать наши принципы, насколько возможно, всеобщими, доводя наши эксперименты до послѣдняго предѣла и объясняя всѣ слѣдствія на основаніи простыхъ и немногихъ причинъ, мы можемъ получить увѣренность не дальше опыта. Поэтому всякая гипотеза, которая претендуетъ открыть послѣднія, первичныя свойства человѣческой природы, должна быть съ самаго начала отвергнута, какъ исполненная высокомерныхъ притязаній и пустыхъ химеръ“ (стр. 55).

Ясно отсюда, какъ важно для пониманія Юмова ученія выяснить психологическія предпосылки его теоретической философіи. Этимъ и занимается г. Виноградовъ въ IV-ой главѣ, излагающей ученіе Юма о перцепціяхъ и ихъ дѣленіи, о различныхъ видахъ идей, о памяти и воображеніи, законахъ ассоціацій и о природѣ абстрактныхъ и общихъ идей (стр. 57—69).

V-ая глава имѣетъ своимъ предметомъ главнѣйшія гносеологическія воззрѣнія Юма. Авторъ изслѣдуетъ здѣсь знаменитое ученіе о причинной связи (стр. 69 — 97). Главныя стадіи въ трактованіи Юмомъ названной проблемы онъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: прежде всего, Юмъ подвергаетъ критикѣ апріорно-раціоналистическое понятіе причинности. Затѣмъ онъ изображаетъ генезисъ этого понятія на почвѣ опыта, при чемъ это опытное понятіе далеко не адекватно упомянутой апріорно - раціоналистической концепціи. Наконецъ, въ заключеніе своихъ разсужденій Юмъ затрогиваетъ вопросъ о гносеологической цѣнности опытныхъ причинныхъ заключеній, поскольку они предполагаютъ своеобразные акты вѣры (стр. 97).

Въ своемъ „Treatise“ Юмъ затрогиваетъ вопросы, которые обыкновенно относятся къ области метафизики. Вопросы эти не были главнымъ предметомъ его вниманія, и не ихъ разработкѣ обязанъ онъ своею славой. Но, рѣшаемые въ духѣ общихъ его гносеологическихъ принциповъ, они занимаютъ естественное мѣсто въ его системѣ. Для полного и вѣрнаго представленія о послѣдней важно знакомство съ сужденіями Юма и по этимъ вопросамъ. Авторъ въ VI главѣ своей книги и идетъ навстрѣчу этому интересу. Онъ разсматриваетъ здѣсь рѣшеніе Юмомъ проблемъ—о природѣ пространства и времени (стр. 97 — 102), существованіи вѣшняго міра (стр. 102—108) и субстанціональности души (стр. 108—114).

Послѣдняя VII глава 1-го отдѣла (стр. 114 — 128) даетъ

характеристику скептицизма Юма. „Воззрѣнія Юма въ области гносеологии и метафизики, говоритъ г. Виноградовъ, даютъ, поводъ многимъ историкамъ философіи разсматривать этого мыслителя, какъ представителя яркаго скептическаго направленія. Повидимому, такимъ заключеніямъ содѣйствуютъ собственныя заявленія Юма, который, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, не разъ называетъ себя скептикомъ. Въ виду всего этого необходимо спеціально остановиться на вопросѣ о характерѣ юмовскаго скептицизма“ (стр. 114). Много интереснаго сообщаетъ авторъ объ отношеніи Юма къ исторически извѣстнымъ типамъ скептицизма: къ скептицизму Декартовскому (стр. 117), къ пирронизму (стр. 118—119) и къ академическому скепсису (стр. 119 — 121). Резюмируя свои замѣчанія относительно Юмовскаго скептицизма, онъ утверждаетъ, что

„Юма можно назвать скептикомъ только въ ограниченномъ смыслѣ: онъ совсѣмъ не представитель абсолютнаго скептицизма. Такъ, намъ хорошо извѣстно, что Юмъ не отрицаетъ важности метафизическихъ изслѣдованій. Объ этомъ, какъ мы видѣли, онъ много распространяется въ первой главѣ „Enquiry“, объ этомъ же онъ часто говоритъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ главныхъ произведеній. Юмъ не ставилъ своею задачею обоснованіе абсолютнаго скептицизма, а имѣлъ въ виду, выражаясь его собственными словами, только „подкопать основы туманной философіи, которая до сихъ поръ, повидимому, только служила оплотомъ для суевѣрій и покровомъ для всякаго рода абсурдовъ и заблужденій“. Такимъ образомъ, Юмъ отрицаетъ только безпочвенную метафизику, и основателямъ подобныхъ системъ онъ считаетъ нужнымъ доставить своей философіей дозу той грубо-земной смѣси, въ которой они вообще нуждаются, и которая могла бы охладить тѣ пламенные частицы, которыя, въ качествѣ элементовъ, входятъ въ составъ природы этихъ лицъ“ (стр. 123—124).

Но въ чемъ же собственно Юмъ является скептикомъ? Скептическіе элементы въ его философіи, по мнѣнію г. Виноградова,

„заключаются отчасти въ его ученіи о характерѣ фактическаго знанія, отчасти вообще въ его воззрѣніяхъ на природу нашего разума, который онъ цѣнитъ очень не высоко. Что касается фактическаго знанія, то Юмъ не скрываетъ, что отрицаніе имъ закона причинности въ смыслѣ изначальнаго принципа нашего ума. (принципа) независимаго отъ опыта, можетъ повести къ нѣкотораго рода скептицизму. Особенно это возможно въ отношеніи такихъ лицъ, которыя при помощи этого предполагаемаго принципа надѣются проникнуть въ послѣднія основанія существующаго. По

миѣнію Юма разумъ нашъ является слабымъ и недостаточнымъ, разъ онъ стремится вполне самостоятельно рѣшить важнѣйшія метафизическія проблемы. Юмъ представляетъ дѣятельность разума въ этомъ направленіи въ видѣ вполне изолированной духовной силы, которая интуитивнымъ путемъ стремится постигнуть загадки бытія. Такія попытки обыкновенно оканчиваются неудачею, и разумъ запутывается въ безысходныхъ противорѣчіяхъ. Тутъ иногда оказываетъ помощь разуму другая дѣятельность духа, которая играетъ такую большую роль у Юма,—воображеніе, хотя въ своихъ крайнихъ формахъ это послѣднее можетъ вести также только къ ошибочнымъ заключеніямъ. По миѣнію Юма, намъ часто приходится стоять на распутьи и спрашивать себя, чему мы должны слѣдовать: указаніямъ ли одного разума или и внушеніямъ фантазій“ (стр. 125).

Выходъ изъ затрудненій, порождаемыхъ скептицизмомъ въ душѣ самого мыслителя, средство отъ „философской меланхолии и бреда“ самъ Юмъ указываетъ только въ усиленной практической дѣятельности, которая заставляетъ забыть всѣ сомнѣнія. „Скептицизмъ Юма,—признаетъ авторъ въ заключеніе всей этой главы,—если провести его послѣдовательно, окажется болѣе значительнымъ, чѣмъ предполагалъ онъ самъ, и его не такъ легко искоренить даже путемъ усиленной практической дѣятельности. У самого же Юма мы находимъ замѣчаніе, что

„такъ какъ скептическое сомнѣніе естественно происходитъ отъ глубокаго и интенсивнаго размышленія объ этихъ предметахъ (дѣятельности чувствъ и разума), то оно тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ дальше мы идемъ въ этихъ размышленіяхъ. Но при этомъ нужно имѣть въ виду одну особенность въ скептицизмѣ Юма, которая обыкновенно рѣдко замѣчается тѣми, которые подчеркиваютъ скептическія тенденціи этого мыслителя: Юмъ, при всемъ своемъ недовѣріи къ ограниченнымъ силамъ человѣческаго разума, совсѣмъ не проповѣдывалъ умственной (а тѣмъ болѣе нравственной) резигнаціи. Надежнымъ оплотомъ для него была привычка и вообще весь строй духовной жизни, который обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ опыту въ широкомъ смыслѣ. Поэтому нѣтъ основаній смотрѣть на Юма, какъ на такого односторонняго скептического мыслителя, который своей философіей подкопалъ основы всякой достовѣрности“ (стр. 127—128).

Таково содержаніе 1-го отдѣла книги г. Виноградова. Трудно указать въ теоретической философіи Юма скольконибудь важный вопросъ или отдѣлъ, который бы авторомъ не былъ затронутъ и освѣщенъ въ совершенно достаточной мѣрѣ. Подлежавшій его изученію матеріалъ онъ изслѣдовалъ

съ не оставляющими ничего больше желать полнотою и тщательностью и использовалъ въ высшей степени цѣлесообразно: читатель найдетъ въ этой книгѣ все, чего въ правѣ ожидать отъ спеціальной философской монографіи; на точность всѣхъ приводимыхъ въ книгѣ сообщеній и указаній онъ можетъ безусловно положиться;—всѣ данныя какъ первоисточниковъ (сочиненій Юма), такъ и соответственной литературы черпаются авторомъ изъ первыхъ рукъ и цитируются въ высшей степени аккуратно; но вмѣстѣ съ тѣмъ богатствомъ своего матеріала г. Виноградовъ распорядился практично и экономно,—не обременяя вниманія читателей справками и экскурсами, имѣющими вспомогательный или только полемическій интересъ;—въ этомъ смыслѣ въ разсматриваемомъ отдѣлѣ книги нѣтъ ничего лишняго, все, что нашло себѣ здѣсь мѣсто, дѣйствительно нужно, цѣнно и важно; въ сравнительно небольшомъ объемѣ дать исчерпывающее представленіе объ изслѣдуемомъ предметѣ — заслуга настолько незаурядная, что должна быть нарочито отмѣчена въ числѣ литературныхъ достоинствъ г. Виноградова. Со стороны собственно научной, т.-е., поскольку дѣло касается правильности историческаго изображенія и вѣрности толкованій, мы лично не можемъ ни въ чемъ упрекнуть автора. Являясь на русскомъ языкѣ единственной въ своемъ родѣ работой, каковой, вѣроятно, останется на сравнительно долгое время и впредь, разсматриваемая книга съ честью могла бы занять мѣсто и въ любой иноязычной философской литературѣ, гораздо болѣе богатой самостоятельными научными трудами, чѣмъ наша русская.

Но сколь ни велика заслуга автора въ разрѣшеніи своей чисто исторической задачи, его дѣло всетаки нельзя было бы считать доведеннымъ до идеальнаго конца,—какъ съ точки зрѣнія историческаго интереса, такъ и въ философскомъ смыслѣ,—если бы онъ ограничился только сдѣланнымъ въ 1-омъ отдѣлѣ своей книги. Философскія ученія привлекаютъ къ себѣ вниманіе историковъ философіи не въ качествѣ только элементовъ культуры той или иной эпохи (съ этой точки зрѣнія ихъ можетъ изучать и изучаетъ и всеобщій историкъ), а гораздо болѣе въ качествѣ извѣстной группы или системы идей, появившихся, правда, въ извѣстной культурной обстановкѣ и подъ вліяніемъ извѣстныхъ

историческихъ условій, но продолжающихъ жить и внѣ породившихъ ихъ условій, вступать въ новыя соединенія, вліять на новыя системы—вплоть до тѣхъ, какія владѣютъ умами и современныхъ философовъ. Поэтому для историка философіи въ высшей степени важно прослѣдить судьбу извѣстной философской доктрины въ развитіи послѣдующей философіи и показать, что и въ какой мѣрѣ имѣетъ въ ней цѣнность также и для современной мысли. Эта задача,—надо правду сказать,—не особенно охотно берется на себя и, когда берется, не особенно удачно разрѣшается авторами монографій по исторіи философіи. Г. Виноградовъ и въ этомъ случаѣ оказался вполне на высотѣ положенія. Цѣлый 2-ой отдѣлъ своей книги, немного лишь меньшій по объему, чѣмъ первый, онъ посвящаетъ „судьбѣ главнѣйшихъ философскихъ концепцій Юма“ (стр. 129—218). Эту часть своей работы (мы лично признаемъ ее еще болѣе важной и цѣнной, чѣмъ первая), требовавшей основательнаго и документальнаго знакомства съ исторіей послѣдующей философской мысли, за конецъ 18-го и весь 19 вѣкъ, г. Виноградовъ выполнилъ съ не менѣе похвальнымъ усердіемъ и достигъ въ ней результатовъ, сравнительно безспорныхъ съ фактической стороны и весьма поучительныхъ и интересныхъ со стороны принципиально-философской.

„Дальнѣйшая судьба юмовской философіи, говоритъ авторъ, въ значительной степени обуславливалась тѣмъ, какая изъ сторонъ въ его воззрѣніяхъ обращала на себя особенное вниманіе его противниковъ или послѣдователей. Мы знаемъ, что его соотечественники отбѣняли преимущественно скептическіе элементы его системы и надѣялись парализовать послѣдніе при помощи такъ называемой философіи здраваго смысла. Шотландскіе философы нашли ревностныхъ продолжателей въ лицѣ французскихъ спиритуалистовъ, и одинъ изъ нихъ, Мэнъ де Биранъ, удѣлилъ достаточно мѣста борьбѣ съ юмовскимъ скептицизмомъ, въ особенности поскольку дѣло касалось происхожденія понятія причинной связи. Скептическая точка зрѣнія была подчеркнута и Кантомъ, который готовъ былъ отождествить юмовскій скептицизмъ, въ его конечныхъ выводахъ, съ умственнымъ квіетизмомъ, хотя не отрицалъ большого значенія критики Юма, поскольку послѣдняя была направлена на односторонній догматизмъ. Далѣе, больше на родинѣ же Юма, чѣмъ на континентѣ, нашелъ для себя сторонниковъ и другой элементъ въ философіи Юма—эмпиризмъ. Д. С. Милль является блестящимъ представителемъ этого направленія, которое онъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ провелъ дальше,

чѣмъ его шотландскій предшественникъ. Въ связи съ ясно выраженными эмпирическими (или, вѣрнѣе, эмпиристическими) тенденціями мы можемъ констатировать у того же мыслителя присутствіе и тѣхъ особенностей, которыя обыкновенно характеризуютъ позитивизмъ, хотя ихъ мы еще раньше можемъ наблюдать на континентѣ (преимущественно во Франціи), гдѣ онѣ появились также не безъ вліянія англійской философіи вообще и Юма въ частности. Въ томъ и другомъ случаѣ эти позитивистическія и эмпирическія тенденціи возникли и распространились независимо отъ критической философіи, при чемъ послѣдняя не вліяла на указанныхъ французскихъ и англійскихъ мыслителей ни тормозящимъ, ни стимулирующимъ образомъ, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ не безъ основанія можно упрекнуть въ нѣкоторомъ догматизмѣ и въ недостатокъ критическаго духа. Но такой упрекъ уже не приложимъ къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ философамъ, которые прошли строгую критическую школу и которые однако жъ высоко цѣняютъ, а иногда и прямо присоединяются къ эмпирическимъ и позитивистическимъ тенденціямъ Юма. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности такихъ крупныхъ мыслителей какъ Лаасъ и Паульсенъ. Наконецъ, нельзя игнорировать и того вполне современнаго намъ теченія нѣмецкой философской мысли, которое также связываетъ свой генезисъ съ именемъ Юма, поскольку для послѣдняго всѣ данныя опыта разрѣшались въ перпенціи нашего духа. Это такъ называемая „имманентная философія“ которая возникла не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ и которая не сказала еще своего послѣдняго слова. Въ связи съ ней можно упомянуть еще объ одномъ направленіи современной философіи, такъ называемомъ эмпириокритицизмѣ, поскольку послѣдній усваиваетъ нѣкоторые результаты юмовской критики и выдвигаетъ біологическую точку зрѣнія (Авенариусъ, Махъ). Мы уже не говоримъ о многочисленныхъ развѣтвленіяхъ такъ называемаго психологизма, который сближаетъ съ Юмомъ его попытка поставить рѣшеніе гносеологической проблемы въ зависимость отъ тщательно разработанной психологіи познавательной дѣятельности,„ (стр. 130—131).

Обозрѣніе всѣхъ указанныхъ направленій философской мысли, поскольку констатируется ихъ тѣсная связь съ философіей Юма, авторъ и даетъ въ двухъ главахъ настоящаго отдѣла. Изъ нихъ I глава (стр. 131—165) посвящается философамъ, критически относившимся къ философскимъ выводамъ Юма, а II-ая (стр. 166—218) выясняетъ *положительное* отношеніе къ нѣкоторымъ основнымъ принципамъ теоретической философіи Юма представителей позднѣйшей философской мысли.

Философскія воззрѣнія Юма первую оппозицію встрѣтили

у себя же на родинѣ, со стороны представителей такъ—называемой философіи здраваго смысла. Однимъ изъ первыхъ и въ то же время болѣе крупныхъ сторонниковъ этого философскаго направленія, какъ извѣстно, является еще современникъ Юма—Томасъ Ридъ. Его первое сочиненіе „Исслѣдованіе о человѣческомъ духѣ (Enquiry into human mind)“, по его собственному признанію, было вызвано „Трактатомъ“ Юма. Уже въ предисловіи къ этому произведенію Ридъ, подчеркивая крайне скептическій характеръ юмовской философіи, считаетъ такой скептизмъ невозможнымъ ни въ наукѣ, ни въ жизни. Послѣдовательно проведенныя воззрѣнія Юма, по словамъ Рида, влекутъ къ отрицанію всякой философіи, религіи и добродѣтели, здраваго смысла, и все это заставляетъ этого мыслителя снова пересмотрѣть основныя проблемы философіи. Эту задачу Ридъ и пытается выполнить въ „Enquiry“. Это произведеніе носитъ по преимуществу положительный характеръ, хотя въ немъ есть достаточно и полемическихъ замѣчаній по поводу именно философіи Юма. Дополненіемъ къ нему могутъ служить дальнѣйшія произведенія Рида, именно его „Опыты объ интеллектуальныхъ и активныхъ силахъ человѣка“, гдѣ еще больше мѣста удѣляется полемикѣ съ разнообразными мыслителями противоположныхъ направленій“ (стр. 131—132). Разсмотрѣвши эти возраженія Рида, г. Виноградовъ приходитъ къ тому выводу, что „въ его полемикѣ съ Юмомъ, несомнѣнно, есть достаточно цѣнныхъ замѣчаній, такъ что суровый отзывъ о философахъ здраваго смысла, который сдѣлалъ Кантъ въ своихъ „Пролегоменахъ“, едва-ли можетъ быть приложенъ цѣликомъ именно къ нему“ (стр. 139—140). Зато къ другимъ философамъ Шотландской школы, полемизировавшимъ съ Юмомъ, особенно къ Битти, онъ находитъ этотъ отзывъ вполне примѣнимымъ.

Кромѣ критики со стороны своихъ соотечественниковъ, представителей философіи здраваго смысла, Юмъ встрѣтилъ къ себѣ отрицательное отношеніе и за границей—у извѣстнаго французскаго мыслителя Мэнъ де Бирана и знаменитаго основателя критической философіи Канта. Первый даетъ критику Юмовскаго ученія о причинности, цѣнимую и доселѣ многими очень высоко. Авторъ, изложивши эту критику (стр. 150—153), приходитъ однако къ совершенно противоположному заклю-

ченію,—что „всѣ эти разсужденія Мэнъ де Бирана, независимо отъ ихъ истинности самихъ по себѣ, не опровергаютъ Юма и не дѣлаютъ совершенно безсильнымъ его скепсисъ въ отношеніи къ причинному заключенію“ (стр. 153).

Фактъ вліянія Юма на знаменитаго творца „Критики чистаго разума“ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія, какъ ясно засвидѣтельствованный самимъ нѣмецкимъ философомъ. Приведя мѣста изъ сочиненій Канта, свидѣтельствующія о такомъ вліяніи, авторъ указываетъ вопросы, которые могутъ по поводу ихъ возбуждаться. Здѣсь прежде всего разумѣется вопросъ о времени первоначальнаго знакомства Канта съ Юмомъ, который (вопросъ) имѣетъ извѣстную важность въ дѣлѣ разясненія генезиса критической философіи. Затѣмъ, несомнѣнно, важно выяснить, вѣрно ли Кантъ изображаетъ основную философскую задачу Юма и выполнѣ ли точно представляетъ намъ выводы, къ которымъ пришелъ Юмъ въ результатѣ своихъ изслѣдованій. Наконецъ, нельзя игнорировать послѣдній вопросъ: насколько Кантъ правъ въ своемъ утвержденіи, что найденная имъ гносеологическая точка зрѣнія избѣгаетъ тѣхъ затрудненій, которыя были не устранимы для Юма; иначе сказать, вопросъ относительно того, опровергъ ли Кантъ скептицизмъ Юма (стр. 158). Что касается перваго вопроса, то, по словамъ автора, „достигнуть вполне точнаго рѣшенія въ данномъ случаѣ едва ли возможно,—но это совсѣмъ и не важно: остается твердо установленнымъ тотъ фактъ, что Кантъ еще сравнительно задолго до написанія „Критики чистаго разума“ познакомился съ важнѣйшими философскими сочиненіями Юма, и, несомнѣнно, это знакомство вліяло на самую постановку гносеологической проблемы, какъ трактуется послѣдняя въ его Критикѣ“ (стр. 160). На первую половину втораго вопроса авторъ, не колеблясь, отвѣчаетъ утвердительно (тамъ-же). Иначе нѣсколько отвѣчаетъ онъ на вторую половину вопроса—относительно изображенія Кантомъ скептицизма Юма. Здѣсь онъ гораздо менѣе склоненъ согласиться съ Кантомъ.

„Кантъ, говоритъ онъ, представляетъ скептицизмъ Юма настолько полнымъ, что здѣсь не остается мѣста ни для какой метафизики. Но мы уже видѣли, что такое представленіе не соответствуетъ существу дѣла и едва ли можно сказать, что Юмъ отрицалъ *всякую* метафизику..... Затѣмъ, Кантъ, конечно, зналъ о различіи Юмомъ двухъ видовъ знанія, но не придавъ этому

особеннаго значенія, между тѣмъ какъ это важно для сужденія о природѣ юмовскаго скептизма: уже одна высокая оцѣнка Юмомъ математическаго знанія значительно суживаетъ область его скептическихъ построеній. Наконецъ, едва ли соответствуетъ дѣйствительности еще одна черта въ скептицизмѣ Юма, подчеркнутая Кантомъ: это элементъ интеллектуальнаго квіетизма, который, несомнѣнно, старается отбѣгнуть Кантъ въ своей характеристикѣ“ (стр. 161).

Наконецъ, на послѣдній вопросъ, — опровергъ ли Кантъ Юма, — онъ отказывается дать рѣшительный отвѣтъ, потому что „этотъ вопросъ предполагаетъ обстоятельную оцѣнку всѣхъ основоположеній эмпиризма и апіоризма, и попытка рѣшить его едва ли можетъ быть умѣстна здѣсь, при сравнительно частичномъ обсужденіи отношенія Канта къ Юму“ (стр. 162), но склоняется всетаки къ отрицательному рѣшенію (стр. 164—165).

Положительное отношеніе къ основнымъ принципамъ теоретической философіи Юма авторъ находитъ у слѣдующихъ новѣйшихъ мыслителей: Д. С. Милля (стр. 166—178), О. Конта (стр. 178—184), Э. Лааса (стр. 184—192), Ф. Паульсена (стр. 192—196), представителей имманентной философіи, — Шуппе, Ремке, Шуберта-Зольдерна (стр. 196—205), — Р. Авенариуса (стр. 206—209) и Э. Маха (стр. 210—218). Изъ нихъ Милля онъ считаетъ „истиннымъ продолжателемъ и завершителемъ Юмовскаго эмпиризма“ (стр. 167 и слѣд.). Милль „въ нѣкоторыхъ изъ своихъ воззрѣній пошелъ дальше своего шотландскаго предшественника, но онъ высоко цѣнилъ Юма, какъ основателя настоящаго позитивизма“ (стр. 167). Что касается Огюста Конта, то послѣдній самъ не разъ подчеркивалъ свое близкое родство съ Юмомъ: „Юмъ, говоритъ онъ, въ своемъ „Позитивистическомъ катехизисѣ“, былъ моимъ главнымъ философскимъ предшественникомъ; Канта можно только добавочно присоединить къ нему“ (стр. 179). Лаасъ, правда, исходитъ больше изъ основъ позднѣйшаго (хотя тоже англійскаго) позитивизма, и потому онъ часто болѣе близокъ къ Д. С. Миллю, чѣмъ къ Юму; но въ то-же время онъ самъ постоянно подчеркиваетъ свое родство и съ болѣе отдаленнымъ родоначальникомъ новѣйшаго позитивизма (стр. 191). Паульсенъ защищаетъ Юма противъ Канта и въ этомъ случаѣ является продолжателемъ Энезидема-Шульце, который уже болѣе 100 лѣтъ тому назадъ старался

показать, что скептицизм Юма остался не опровергнутымъ и послѣ „Критики“ Канта (стр. 193. 196). Что касается имманентной философіи, то здѣсь авторъ вынужденъ признать, что „эти мыслители въ основныхъ своихъ концепціяхъ стоятъ къ Юму уже не такъ близко, какъ это можно предполагать съ перваго взгляда или какъ объ этомъ заявляютъ большинство ихъ самихъ“ (стр. 205). Подобнымъ же образомъ и относительно воззрѣній Авенаріуса онъ находитъ возможнымъ только „констатировать нѣкоторое сходство между ними и соответствующими взглядами Юма“; но самъ же при этомъ замѣчаетъ, что

„связь эта скорѣе логическаго, чѣмъ генетическаго характера, и мы не имѣемъ никакихъ оснований утверждать, что философскіе взгляды Авенаріуса создались подъ непосредственнымъ вліяніемъ Юма, и что сочиненія послѣдняго были хорошо извѣстны важнѣйшему представителю эмпириокритической философіи; да и логическое отношеніе между воззрѣніями упомянутыхъ мыслителей въ дѣйствительности уже не такъ тѣсно и близко, какъ это можно подумать съ перваго раза“ (стр. 209).

Весь интересъ этого сопоставленія Юма съ Авенаріусомъ, оказывается, такимъ образомъ, чисто отрицательнымъ, и самое сопоставленіе умѣстно лишь въ виду мнѣнія Рилля о тѣсной близости и связи обѣихъ доктринъ (ср. тамъ-же). Воззрѣнія Маха „стоятъ гораздо ближе къ принципамъ Юмовской философіи, чѣмъ взгляды Авенаріуса“, и Махъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ сочиненіями Юма и дѣлаетъ на нихъ неоднократныя ссылки (стр. 218).

Послѣдній отдѣлъ книги г. Виноградова, какъ уже упоминалось, содержитъ „критическія замѣчанія по поводу главнѣйшихъ психологическихъ и философскихъ воззрѣній Юма“. Умѣстность такого отдѣла едва-ли надо и разъяснять, разъ признается, что работы по исторіи философіи должны преслѣдовать не одинъ только историческій интересъ, а и положительныя задачи—указаніе тѣхъ элементовъ изучаемой доктрины, которые должны войти въ составъ современнаго научно-философскаго міровоззрѣнія.

Относительно психологическихъ взглядовъ Юма, въ частности объ его анализѣ интеллектуальной дѣятельности, окончательное сужденіе автора оказывается колеблющимся между положительнымъ и отрицательнымъ приговоромъ.

„Нельзя отрицать, говорить онъ, что Юмъ въ своихъ анали-

захъ иногда бывалъ нѣсколько одностороннимъ, не давалъ полной и всесторонней оцѣнки всѣхъ главнѣйшихъ функцій нашего интеллекта, недооцѣнивалъ творческую дѣятельность послѣдняго въ образованіи высшихъ продуктовъ умственной дѣятельности. Но въ то же время едва ли кто не признаетъ непредвзятость юмовскихъ анализовъ отъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ, остроту его ума при расчлененіи самыхъ сложныхъ интеллектуальныхъ комбинацій, ясность и отчетливость при указаніи основныхъ элементовъ того или другого психическаго акта, и въ этомъ отношеніи Юмъ нерѣдко можетъ служить образцомъ и для самой новѣйшей психологіи“ (стр. 232).

Что касается общепhilософскихъ взглядовъ Юма, то авторъ относится съ полнымъ сочувствіемъ къ его „стремленію опереть теорію познанія на психологію и, главнымъ образомъ, на анализъ нашего интеллекта“ (стр. 232 и сл.). Но онъ признаетъ, что „Юмъ не далъ исчерпывающаго анализа математическаго знанія, поскольку это являлось необходимымъ для его же гнешеологическихъ цѣлей, и поэтому различеніе двухъ типовъ знанія, какъ мы его находимъ аргументированнымъ въ обоихъ главныхъ произведеніяхъ британскаго мыслителя, едва ли можетъ быть признано вполне удачнымъ и не нуждающимся въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ“ (стр. 236). Относительно Юмовской теоріи причинности авторъ колеблется въ своемъ приговорѣ (стр. 236—245). Съ большимъ сочувствіемъ онъ относится къ его сужденіямъ по метафизическимъ вопросамъ (стр. 246 сл.). Окончательное впечатлѣніе, выносимое авторомъ отъ изученія Юма,—чрезвычайно благопріятно для послѣдняго.

„Пока не явится, говорить онъ, новый философскій геній, который переброситъ мостъ между апріоризмомъ и эмпиризмомъ или вполне возвысится надъ этими, еще не препобѣжденными для современной философіи точками зрѣнія, до тѣхъ поръ основныя концепціи Юма сохранять свое значеніе. Такимъ образомъ, Юмъ былъ совершенно правъ, когда, въ письмѣ къ Ф. Геттесону, главную цѣнность своей философской работы усматривалъ не въ богатствѣ и новизнѣ какихъ-либо неоспоримыхъ выводовъ или неразрушимыхъ конструкцій, а въ обиліи плодотворныхъ намековъ, возбуждающихъ и просвѣтляющихъ „внушеній“, которые, какъ мы видѣли, сыграли очень значительную роль въ развитіи позднѣйшей философской мысли. И это стимулирующее дѣйствіе юмовской философіи не исчерпано вполне и до нашихъ дней“ (стр. 260).

Въ заключеніе своей замѣтки о книгѣ г. Виноградова мы искренно привѣтствуемъ ея появленіе, какъ выдающейся и

драгоценной работы, не только облегчающей изученіе Юма для приступающихъ къ таковому, но и способной для специалистовъ сдѣлать излишними многія справки съ литературой по данному предмету. Не все, правда, въ ней имѣетъ одинаковую научную цѣнность: напримѣръ, обработка біографіи Юма не можетъ претендовать на полную самостоятельность; но вѣдь эта глава и введена лишь ради методологической полноты. Затѣмъ можно бы было упрекнуть автора и въ безрезультатности его сопоставленія съ Юмомъ представителей имманентной философіи и Авенариуса; но въ этомъ случаѣ онъ никого не вводитъ въ заблужденіе, а касаться этого отношенія ему давали право указанія въ относящейся сюда философской литературѣ;—на основаніи этихъ указаній иной читатель могъ бы нарочно обратиться за справкой къ его книгѣ. Во всякомъ случаѣ разсмотрѣнная книга съ полнымъ правомъ займетъ мѣсто въ ряду существенныхъ пособій при изученіи новой философіи. Языкъ ея—простой и легкій.

П. Тихомировъ.

13. 3. 06.
Москва.
